

Russkiye Vedomosti. 1911, December 20, p. 5.
Русские Ведомости. 1911, 20 декабря, с. 5.

The sixth symphonic meeting of the Philharmonic Society (December 18) was distinguished by its particular diversity: early music in its original form (Corelli's string concerto) was combined here with early music, but coloured (Bach's Chaconne, orchestrated by Steinberg), and Russian music (Tchaikovsky's piano concerto and romance and folk songs) was mixed with both early music and with works by the young French composer Roger-Ducasse (the miniature march "Claironnerie" and the intricate "Sarabande").

The last piece is valuable above all for its instrumentation. The sarabande, to the mute (according to the program) music of which the prince departs, does not enchant the listener; nor does the people's lamentation seem profound, accompanying the prince's ashes to his eternal resting place and whimsically merging with the ringing of bells and the melody of the sarabande, to the sounds of which the prince's soul should more easily leave the earth.

Yet the distinctive harmony of all these tones, combined with the skilful use of a humming chorus—mimicking the people's mournful wailing—leaves a powerful impression. Modern French music has given the world many compositions whose outward sonic garb is so distinctive and sumptuous that it can at times mask even a poverty of musical thought; nevertheless, Roger-Ducasse's "Sarabande" deserves a prominent place among the finest works of this kind.

Both French works were conducted by Mr. Ziloti better than the aforementioned classical works. Both the rendering of Corelli's "concerto," sweet in its simplicity and fresh despite its two-hundredth-year age, and the performance of Bach's "Chaconne," lacked rhythmic clarity. This deficiency was particularly noticeable in the fast movements of Corelli's concerto. The instrumentation of Bach's famous violin "Chaconne" deserves full praise. But we know the fullness of thought and the power of inspiration that distinguishes the violin original, and what sounds so concentrated in the original, in the orchestra has become ponderous in places, and thin in others. In this sense, the orchestral arrangement is infinitely inferior to Busoni's arrangement of Chaconne for piano, which served as its prototype.

The soloists were Mr. Rachmaninoff (who played Tchaikovsky's concerto and, as an encore, his own "Elegy" and the G sharp minor prelude from Op. 32) and Mrs. Zbrueva (a romance by Tchaikovsky and Russian folk songs in Lyadov's elegant instrumentation, and as an encore, two romances by Rachmaninoff with the composer's incomparable accompaniment). In some places, one would have liked more lightness and freedom from Ms. Zbrueva's beautiful, musically rich performance ("Round Dance Song" or the wonderful "Spring Waters"), but Rachmaninoff's interpretation of Tchaikovsky's concerto, to call it flawless would be an understatement – it was inspired, powerful and profound. At times (the middle of the second movement and some of the first) his interpretation differed from the traditional one, but, as happens with a truly artistic performance, it seemed both genuine and beautiful. The audience, having greeted their favourite with thunderous applause and a shower of flowers, enthusiastically received every part of the concerto as well as the encores. This success is to be credited entirely to Rachmaninoff, for Mr. Ziloti at times detracted from the overall cohesion of the performance—or even, at times, did the exact opposite.

Gr. P.

[Translation: Google]

Шестое симфоническое собрание Филармонического Общества (18-го декабря) отличалось особенной пестротой: старинная музыка въ подлинномъ видѣ (концертъ для струнныхъ инструментовъ Корелли) соединялась здѣсь съ музыкой старинной, но

подкрашенной («Чіаконна» Баха, інструментованная Штейнбергомъ), а музыка русская (фортепіанний концертъ и романсъ Чайковскаго и народныя пѣсни) перемѣшалась и со старинной музыкой, и съ произведеніями молодого французскаго композитора Роже-Дюкасса (миніатюрный маршь «Claironnerie» и замысловатая «Сарабанда»).

Послѣднее произведеніе цѣнно przede всего інструментовкой. Не чаруетъ слушателя сарабанда, подъ нѣямую (по словамъ программы) музыку которой уийралъ принцъ; не кажется глубокимъ и плачь народа, сопровождающій прахъ принца къ мѣсту вѣчнаго упокоенія и причудливо сливающійся съ перезвономъ колоколовъ и напѣвомъ сарабанды, подъ звуки которой душа принца должна легче покинуть землю.

Но своеобразная гармонія всѣхъ этихъ тоновъ и умѣло использованный звукъ хора, поющаго съ закрытыми рта́ми и имитирующаго этотъ горестный плачь народа, оставляють сильное впечатлѣніе. Современная французская музыка подарила міру немало сочиненій, внѣшній звуковой нарядъ которыхъ такъ своеобразенъ и роскошенъ, что временами можетъ скрывать даже убожество музыкальной мысли, но и среди лучшихъ произведеній подобнаго рода «Сарабанда» Роже-Дюкасса можетъ занять видное мѣсто.

Оба французскія произведенія у дирижера г. Зилоти прошли лучше, чѣмъ вышеупомянутыя классическія сочиненія. И въ передачѣ милаго въ своей простотѣ и свѣжаго несмотря на свой двухсотлѣтній возрастъ «концерта» Корелли, и въ исполненія «Чіаконны» Баха мало было ритмической опредѣленности. Особенно недочетъ этотъ давалъ себя чувствовать въ быстрыхъ частяхъ концерта Корелли. Обь інструментовкѣ знаменитой скрипичной «Чіаконны» Баха можно было бы отозваться съ полной похвалой. Но мы знаемъ, какой полнотой мысли и силой вдохновенія отличается скрипичный под-линникъ, и то, что такъ сконцентрированно звучить у скрепки, въ оркестрѣ стало кое-гдѣ грузнымъ, а кое-гдѣ жидковатымъ. Въ этомъ смыслѣ оркестровое переложеніе безконечно уступаетъ служившему ему прообразомъ бузоніевскому переложенію «Чіаконны» для фортепіано.

Въ качествѣ солистовъ выступили г. Рахманиновъ (сыгравшій концертъ Чайковскаго и на bis свою «Элегію» и gis-moll'ную прелюдію пзъ ор. 32) и г-жа Збруева (романсъ Чайковскаго и русскія народныя пѣсни въ изящной інструментовкѣ Лядова, а на bis два романса Рахманинова съ неподобнымъ аккомпаниментомъ автора). Отъ красиваго, музыкально-со-держательнаго исполненія г-жи Збруевой кое-гдѣ хотѣлось бы большей легкости и свободы («Хороводная» иѣснь или чудес-ныя «Весеннія воды»), рахманиновское же истолкованіе концерта Чайковскаго мало назвать безупречнымъ, — оно было вдохновеннымъ, сильнымъ, глубокиит. Временами (середина второй части и коечто въ первой) его интерпретація отличалась отъ традиціонной, но, какъ это бываетъ съ истинно - художественнымъ исполненіемъ, это казалось и подлиннымъ, и прекраснымъ.

Публика, встрѣтившая своего любимца бурными апплодисментами и цвѣ точнымъ дождемъ, восторженно прини мала каждую часть концерта и ве щи, сыгранныя па bis. И успѣхъ этотъ всецѣло относится на долю Рахманинова, ибо г. Зилоти временами не содѣйствовалъ цѣльности впечатлѣнія, а скорка наоборотъ.

Гр. П.